

ность ОИКК можно определить как этно-мобилизирующую. Она была ориентирована в первую очередь на инициирование интереса к собственной культуре и истории у широких народных масс. Одновременно эта деятельность позволила коми самоидентифицироваться, с одной стороны, осознать свое единство, а с другой — выделиться из остальной финно-угорской массы. И если некоторые из ученых выступали с лозунгами, которые определялись как «шовинистические», то это было в первую очередь, как нам кажется, проявление эмоций, чувства любви к родному народу, языку и культуре, а не конкретное знание, которое достигалось деятельностью местных краеведов и ученых. Перефразируя высказывание В.И. Ленина, можно сказать, что это была «детская болезнь левизны» в коми краеведческом движении.

3.2. Этнография народов коми в 1930-е гг.

В начале 1930-х гг. наблюдается спад в изучении культуры народов коми. Он был обусловлен причинами скорее политическими, чем научными. В середине 1920-х — начале 1930-х гг. в Москве был взят курс на изменение целей и задач краеведческого движения: краеведение должно использоваться для решения конкретных, узких задач социалистического хозяйственного строительства. Краеведение стало рассматриваться не как историко-культурное, общегуманитарное направление, а как природно-экономическое, производственно-утилитарное. Как писал историк И.М. Гревс, один из выдающихся организаторов краеведческого движения в СССР, «новое краеведение выступает у нас в настоящие дни под знаком общественной пользы, выдвигая практический, утилитарный принцип, оттого оно по преимуществу обращается к изучению современности, а изучая ее усиленно, стремится к постановке задач исследования производства и естественных производительных сил»¹.

¹ Гревс И.М. История и краеведение // Краеведение. 1926. № 4. С. 496.

Представители «нового краеведения» требовали прекращения «модного в прежние времена гробокопательства», т.е. отказа от исторических, археологических и этнографических исследований². Кроме того, были выдвинуты некоторые положения, которые должны были лечь в основу нового краеведческого движения: «Должен быть выдвинут примат естественно-исторических исследований; историко-археологическая и историко-культурная работа при отсутствии марксистского подхода к ней должна быть удалена из работ по краеведению».

Одновременно началась «чистка» движения от «чуждых элементов» и «вредителей». Началом этому процессу послужило публичное выступление начальника Главнауки М. Лядова, который прямо заявил, что «сейчас почти вся сеть краеведческих обществ находится в чужих, враждебных руках»³. Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, идеалистическом мракобесии, пропаганде религии, контрреволюционной трактовке исторического материала и т.д.⁴ Жертвами этой политики стали многие ученые-гуманитарии, краеведы, представители духовенства.

Все эти процессы отразились и в Коми области. В рамках подобной политики в мае 1931 г. руководство ОИКК приняло решение о прекращении деятельности общества. В декабре 1931 г. при Окружном краеведческом музее был учрежден историко-этнографический кружок под председательством **А.А. Цембера**, но просуществовал он недолго. В 1932 г.

² Первое совещание по краеведению Отделения изучения природы СССР Государственного тимирияевского научно-исследовательского института. Вологда, 1925.

³ Лядов М. В первую очередь — внимание краеведческому музею // Комсомольская правда. 1929. 24 апр.

⁴ Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведческой работы (проблема производственного краеведения) // На новых путях краеведческой работы. Л., 1926. С. 5–6; Рубинштейн Н. Борьба с классовым врагом в краеведческой литературе и задачи историков-марксистов // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново, 1931. С. 7.

Г.А. Старцев предпринял попытку организовать новый краеведческий центр под названием «Бюро краеведения и изучения производительных сил Коми области». При нем существовало 6 секций, в том числе отдел культуры и быта, который подготовил программу по изучению истории Коми края¹. Но бюро не смогло широко развернуть свою деятельность. Этому в первую очередь помешали начавшиеся в 1932 г. аресты, в результате которых большинство активных членов бывшего ОИКК были репрессированы. После этого краеведческое движение, как и научные исследования в области этнографии, в Коми крае фактически прекратились. Примерно то же самое проходило на Урале, в Перми и Свердловске.

Созданные в 1931 г. Коми научно-исследовательский институт и Коми государственный педагогический институт не сумели организовать новые систематические исследования по изучению народа коми, в первую очередь потому, что не имели подготовленных кадров.

Значительный вклад в изучение традиционной культуры народов коми в 1930-е гг. внес **Георгий Афанасьевич Старцев** (1902–1943) — лингвист, этнограф, историк, фольклорист, музейный работник. Это одна из противоречивых фигур, входившая в состав нарождавшейся интеллигенции коми народа в 1920–1930 гг. Выходец из коми народа, получивший блестящее по тем временам образование, активно занимавшийся наукой, он все же не смог найти свое место в жизни. Как истинный марксист, член партии, Г.А. Старцев пытался внедрить в жизнь марксистскую методологию и закончил свою активную творческую жизнь как «враг народа». Личность Г.А. Старцева уже привлекала внимание исследователей².

¹ Старцев Г.А. Коми область // СЭ. 1932. № 2. С. 147–148.

² Рогачев М.Б. Забытое имя // Они любили край родной... С. 243–254.; Полешиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995; Он же. Зову к покаянию. Сыктывкар, 1996; Терюков А.И. Г.А. Старцев в Ленинграде // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 2. С. 136–142; Же-

Он родился 21.02.1902 г. в с. Онежье Яренского уезда Вологодской губ. (в настоящее время — с. Онежье Княжпогостского р-на Республики Коми) в крестьянской семье. По национальности — коми (зырянин). Окончил церковно-приходскую школу, двухклассное училище в с. Гам. Здесь находилось единственная в Коми крае учебное заведение повышенного типа, где учились многие представители коми интеллигенции. Так, это училище закончили **П.А. Сорочкин**, **П.Г. Доронин**. Осенью 1918 г. был принят учащимся в только что созданную учительскую семинарию в с. Усть-Выми. Но началась Гражданская война, и в мае 1919 г. он стал добровольцем Красной Армии. Принимал участие в боях с белыми сначала на Северном фронте в качестве красноармейца Вашско-Мезенского полка 6-ой армии, на Северной Двине, а затем — под Петроградом против Юденича. В 1920 г. Г.А. Старцев вернулся на родину и вновь начал учиться, на этот раз на трехгодичных учительских курсах в г. Яренске. Но снова прервал образование.

Как активный участник дискуссий по вопросам организации Коми (зырянской) автономии на Первом Северо-Двинском губернском съезде по просвещению зырян, состоявшемся в Усть-Сысольске 12–13 сентября 1920 г., был избран в Комиссариат по делам национальностей от Автономной области Коми (зырян). В течение 1921 г. работал в должности секретаря Зырянского отдела (секции) этого наркомата в Москве³. В январе 1921 г. он возвращается в Усть-Сысольск, становится студентом Института народного образования и направляется на учебу в Петро-

ребцов И.Л., Рогачев М.Б. Становление профессиональной этнографии в Коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 49–63.

³ О деятельности Зырянского отдела см.: Белянцева Е.И. Из истории Коми отдела при Народном комиссариате по делам национальностей (1918–1923) // Учен. зап. Горьков. ун-та. Сер. историко-филологическая. 1964. Вып. 65; Жеребцов И.Л. «Дело» Зырянского представительства // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4. С. 166–183.

град¹. В том же 1921 г., до отъезда в Петроград, он составляет программу по изучению родного края, которая должна была издана Уездным комитетом РКСМ, но сведений об этом издании нет. По-видимому, это была частная инициатива Г.А. Старцева, которая свидетельствует о нем как о грамотном краеведе. Во вступлении исследователь говорит, что при составлении им были использованы программы профессора **П.А. Сорокина** и московского отдела Русского музея². Одновременно Г.А. Старцев составляет для учителей методичку по краеведческой работе на коми языке. Это был первый опыт подобного краеведческого документа. Он озаглавлен «Тӧмалӧй горт гӧгӧр» («Познайте вокруг дома»)»³. С сентября 1921 г. по октябрь 1924 г. он студент педагогического отделения факультета общественных наук Петроградского (Ленинградского) государственного университета.

Несмотря на то что его официальным научным руководителем в период учебы был известный ученый, социолог, историк, юрист профессор Н.А. Гродескул, сам Г.А. Старцев своими учителями считал этнографов, профессоров Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана. Лев Яковлевич Штернберг и Владимир Германович Богораз-Тан принадлежали к террористическому направлению народничества в России. За свою революционную деятельность они были сосланы: первый — на Сахалин, второй — на Колыму, где занялись этнографией. К октябрю 1917 г. они уже были учеными с мировым именем (например на работы Л.Я. Штернберга по гилякам (нивхам) ссылался Ф. Энгельс) и стали основоположниками советской школы этнографии⁴.

¹ *Жеребцов И.Л.* Дмитрий Батиев, известный и неизвестный // Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 158–182.

² *Старцев Г.А.* Программа по изучению родного края // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-961, оп. 1, № 8, с. 39–48.

³ *Старцев Г.А.* Тӧмалӧй горт гӧгӧр. [Познайте вокруг дома. На коми языке] // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-961, оп. 1, № 1, с. 13–20.

⁴ *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975; *Она же.* Ленинградская этнографическая школа

Г.А. Старцев работал с В.Г. Богоразом-Таном в Институте народов Севера. Сохранились воспоминания ученого о Л.Я. Штернберге, написанные в 1928 г., после смерти учителя: «С проф. Л.Я. Штернбергом я познакомился в 1921 г. на одной из лекций по курсу этнографии. У меня тогда уже было твердое марксистское мировоззрение, сложившееся в результате чтения. <...> Плеханова, Вандервельде, Энгельса, Каутского. <...> Мне нужны были факты и усиление теоретической базы. К тому же у меня через краеведческие кружки под руководством **А.С. Сидорова** был или, вернее, сложился определенный интерес к этнографии. Лекции Л.Я. Штернберга как раз и дали мне толчок к окончательному выбору моей специальности. <...> Л.Я. Штернберга я уважаю прежде всего за его человеческое отношение к т.н. “инородцам”. Лев Яковлевич впервые мне, зырянину — инородцу, дал понять, что скрывается за этим словом. Он еще больше научил меня уважать, любить и изучать как самих туземцев, так и их культуру. <...> От Льва Яковлевича я получил широкое общее теоретическое развитие, научился ценить этнографию как науку»⁵.

Обучаясь в университете, Г.А. Старцев прослушал большое количество общественно-политических и специальных исторических учебных курсов. Одновременно он занимался на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ и состоял вольнослушателем Археологического института (как видно из его личного дела, прослушал два курса). Ему посчастливилось слушать лекции выдающихся ученых: археолога, проф. А.А. Спицына; историков, проф. А.Е. Преснякова и проф. Е.В. Тарле; философов-марксистов М. Серебрякова, А. Фингерта и др.

В эти годы В.Г. Богораз с целью привлечения студентов к научной работе организует

в 20-е годы (у истоков советской этнографии) // СЭ. 1971. № 2; *Кулешова Н.Д.* В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск, 1975.

⁵ *Старцев Г.* Воспоминания о Л.Я. Штернберге. Рукопись. 6.07.1928 // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 282, оп. 1, № 110, л. 70–71.

издание сборников студенческих работ, написанных на основе учебных экскурсий (экспедиций). В первом из них, носившем название «Революция в деревне», Г.А. Старцев публикует статью «Революция и зыряне». С этой статьи началась его научная деятельность¹.

Его педагогическая деятельность началась в 1924 г. преподавателем обществоведения в Фабрично-заводском училище при заводе им. Козицкого и одновременно заведующим кабинетом по ленинизму Коммунистического университета национальных меньшинств Запада.

Начиная с апреля 1925 г. Г.А. Старцев — младший ассистент восточной подсекции Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ (ИЛЯЗВ). Этому способствовали его учителя, предоставившие положительные отзывы о его работе. Например, Л.Я. Штернберг в своей рекомендации писал: «Я вполне уверен, что при надлежащей поддержке со стороны университета из него вырабатывается ценный научный работник-преподаватель»². Здесь он вел семинар по сравнительной этнографии финно-угорских народов. Круг его научных интересов — от «изучения общественных форм субарктических народов Северо-Востока России и Сибири (самоедов, зырян, вогулов, остяков и пермяков)» постепенно трансформировался «в изучение языков и традиционной культуры коми-зырян, коми-пермяков, самоедов (ненцев), остяков (хантов), вогулов (манси)»³.

В марте 1926 г. Г.А. Старцев был зачислен в аспирантуру по факультету языка и материальной культуры ЛГУ, а в январе 1927 г. переведен в аспирантуру ИЛЯЗВ ЛГУ, которую окончил в 1929 г. Во время учебы в аспирантуре он посещал яфетический семинар академика Н.Я. Марра, занятия по финно-угорским

языкам у известных лингвистов — проф. Д.В. Бубриха и Н.Н. Поппе. В качестве обязательного курса слушал лекции по общей теории диалектического материализма проф. М.Б. Серебрякова. В 1927 г. он в течение трех месяцев стажировался в Хельсинки (на кафедре финно-угроведения Хельсинкского университета) и Германии (в Венгерском институте при Берлинском университете), слушал лекции и общался с крупнейшими финно-угроведами Финляндии и Германии⁴. Исследователь совершенствует свои знания в немецком языке.

Сохранились две открытки, направленные им на имя В.Г. Богораза-Тана из Хельсинки и Берлина, в которых Г.А. Старцев делится со своим учителем впечатлениями о увиденном, например: «Вчера устроили (вместе с Д.В. Бубрихом, который также находился в это время в Берлине. — А.Т.) прогулку по городу по подземной железной дороге. Я купил себе шляпу»⁵. Впечатления от поездки в Хельсинки отражены в отчете о посещении Национального музея этого города с подробным описанием его экспозиций. Кроме теоретических изысканий, Г.А. Старцев неоднократно выезжал для полевых исследований в места проживания изучаемых народов: в Коми автономную область, Коми-Пермяцкий округ Уральской области, Березовский уезд Тобольской губернии, Большеземельскую тундру Архангельской губ.

После окончания обучения в аспирантуре в 1929 г. он представил в дирекцию ИЛЯЗВ ЛГУ документы, необходимые для получения квалификации, что в то время заменяло защиту диссертации. Для подтверждения уровня научной работы Г.А. Старцев представил три книги, написанные им за годы учебы: «Остяки», «Самоеды (ненча)» и «Финно-угорские народы», но остановился на «Самоедах». В деле сохранились заявление Г.А. Старцева, его от-

¹ Старцев Г. Революция и зыряне. (Культура и быт) // Революция в деревне. Л., 1924; Он же. Комсомол Коми Области // Комсомол в деревне. Л., 1925.

² Старцев Георгий Афанасьевич. Личное дело // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 302, оп. 2, ед. хр. 247, л. 5.

³ Там же. Л. 4.

⁴ О Венгерском институте см.: Ольденбург С.Ф. Венгерский институт при Берлинском университете // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 100–105.

⁵ Г.А. Старцев — В.Г. Богоразу-Тану из Берлина. Не датировано. Берлинский штампель от 26. 09.27 // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 250, оп. 4, № 314.

чет, список трудов и отзыв проф. Н.Н. Поппе. В своем заявлении он пишет: *«Я вполне осознаю, что эти работы недостаточно вскрывают мою методологическую позицию, и объясняю это тем, что в подобных работах нет прямой возможности эту сторону выявить. О методологии можно говорить в работе, разрабатываемой тематически. К тематическим работам я имею возможность приступить только в последнее время. Круг вопросов для исследования на будущее время у меня определяется именно народами пермско-угорской группы и самоедов. Прилагаемые работы написаны в разное время и показывают скорее мой общий научный рост, нежели чисто теоретические достижения. В этих работах я скорее ставлю проблемы, нежели приближаюсь к их разрешению, хотя по некоторым вопросам я уже высказал вполне определенные выводы: культурное взаимодействие зырян и самоедов — явление позднее. Родовой строй самоедов не связан с тотемизмом. Классический тотемизм как особая стадия примитивной религии у самоедов и зырян отсутствует. Эти народы стоят на стадии анимистического и магического мышления. Классификация родства и свойства скрывает беспорядочную и кузенную форму первичного брачного института (со многими из этих выводов можно согласиться и в настоящее время. — А.Т.)»*¹. Несмотря на то, что работы ученого были положительно оценены научным руководителем, решения о присвоении научной квалификации в деле нет. Почему решение не было принято — неизвестно. Вообще 1925–1930 гг. были самыми удачными в научном творчестве Г.А. Старцева. Он много пишет и публикуется, обращается к решению многих вопросов коми этнографии и становится лидером в этой области².

¹ Старцев Г.А. Дело о присвоении квалификации // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 302, оп. 4, № 32, л. 3.

² Старцев Г.А. О зауральских зырянах // Коми му. 1926. № 1–2; Он же. О влиянии самоедов на ижемских зырян // Коми му. 1926. № 11; Он же. Год оленевода-кочевника // Коми му. 1927. № 4–5; Он же. О древнем денежном счете коми-зырян // Этнограф-исследователь. 1927. № 1.

Будучи аспирантом, Г.А. Старцев начал преподавательскую деятельность, сначала на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ (семинарий по этнографии финно-угров, курс по этнографии пермских финно-угров), а с 1925 г. — на северном факультете Ленинградского восточного института (остяцкий и вогульский языки). В 1928 г. — преподаватель в Пединституте имени А.И. Герцена, сначала по совместительству, а с 1929 г. — в качестве штатного доцента и заведующего кафедрой. Здесь на коми секции он читал курсы «История коми народа», «История коми литературы» и т.д. Г.А. Старцев оставался на этой должности до своего отъезда в Сыктывкар. Одновременно с сентября 1930 по декабрь 1932 гг. он состоял доцентом, заведующим кафедрой урало-поволжских народов Ленинградского историко-филологического института.

Как член ВКП(б) Г.А. Старцев, как было принято в то время, занимался общественно-политической работой. В различное время он работал: 1) членом Центрального бюро краеведения от Ленинграда; 2) членом бюро Союза научных работников Ленинграда; 3) секретарем предметных комиссий по этнографии и национальных языков Пединститута им. Герцена и Института народов Севера; 4) руководителем партшкол I и II ступени по ленинизму и текущей политике на ряде заводов Ленинграда (им. Коминтерна, им. Козицкого, им. Радищева, трамвайного парка Леонова и т.д.). С октября 1923 по апрель 1924 гг. был мобилизован для выполнения партийной работы в армию и служил библиотекарем клуба 16 кавалерийской дивизии им. Киквидзе в Ленинграде.

В 1931 г. по просьбе Коми облисполкома в г. Сыктывкаре открывается Коми государственный пединститут и одновременно закрываются коми отделения в институтах Ленинграда и Вологды. Например, коми секция национального отделения Пединститута А.И. Герцена была расформирована согласно приказу Наркомпроса СССР от 21 декабря 1931 г. Студентов и преподавателей переводят в Сыктывкар. Это коснулось и Г. А. Старцева. 16 января 1932 гг. он был назначен заведующим

учебной частью и кафедрой истории института. Свой переезд в Сыктывкар Г.А. Старцев воспринял очень болезненно, считал это «ссылкой» и «несправедливостью по отношению к себе как ученому», так как не рассматривал преподавательскую деятельность как основную, в отличие от исследовательской. Г.А. Старцев работал в Сыктывкаре без инициативы, пропускал занятия, на этой почве у него возникли проблемы с руководством института. При первой же возможности уезжал в Ленинград, где у него осталась семья. Он старался отложить свой переезд в Сыктывкар, объясняя это тем, что его лекции начнутся лишь осенью 1933 г., но зарплату требовал. Например, в его личном деле, хранящемся в Сыктывкаре, сохранилась записка, отправленная из Ленинграда 30 октября 1932 г., в которой Г.А. Старцев просит прислать его жалование за ноябрь, ибо «голодаем, продал брюки, жена продала также свой воротник. Осталось продать библиотеку». Но все же он работал. Так, сохранилась программа по курсу коми фольклора, подготовленная им в Сыктывкаре и составленная достаточно профессионально, которая говорит о том, что Г.А. Старцев хорошо разбирался как в истории изучения коми фольклора, так и в основных его разделах¹. Он неоднократно писал ходатайства в Наркомат просвещения, добиваясь перевода в Ленинград. Эти обращения, по видимому, были настолько многочисленными, что Управление педагогических учреждений Наркомпроса РСФСР было вынуждено разослать следующий циркуляр. Он сохранился среди делопроизводственных документов Музея антропологии и этнографии АН СССР за 1935 г.:

«Наркомпрос РСФСР. 17 сентября 1935 г.

г. Ленинград, 47. Крестовский остров. Морской пр., 7. кв. 3 Г.А. Старцеву.

г. Ленинград, Музей антропологии и этнографии.

¹ *Старцев Г.А.* Коми фольклор (Программа) // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-961, оп. 1, № 8, л. 5. В этом же деле сохранился и конспект лекций курса, датированный автором 1933 г. и фактически являющийся рукописью его брошюры, изданной в Сыктывкаре.

Копия: Сыктывкар, Коми пединститут.

Сообщаю, что НКП настоятельно возражает против Вашего перехода на работу в Ленинград.

Если Коми пединститут Вас использовать не может, то он пошлет Вас в другой институт.

Если Вы самовольно оставите институт, то нами будут приняты все меры к привлечению Вас к ответственности согласно соответствующим законоположениям.

Зав группой кадров». (подпись неразборчива)²

Несколько позднее руководству Пединститута Г.А. Старцев написал: «Заранее чувствую, что для научно-исследовательской работы институт не создал и не стремится создавать условий. Это для меня и для других молодых научных работников — явная преждевременная смерть»³.

1935 г. он был уволен из Пединститута «за невозможностью нагрузить его по специальности», несмотря на то что Г.А. Старцев подготовил несколько курсов по этнографии и фольклору коми, используя старые ленинградские разработки. В эти же годы он завершил большую работу «Зыряне» — первый в советское время монографический очерк, который в силу разных причин остался неопубликованным. Рукопись содержит сведения о численности, языке, письменности, истории народа коми, в ней освещены хозяйственные занятия, материальная культура, семейно-брачные отношения, свадебные и похоронные обряды, верования. По мнению М.Б. Рогачева, на основе этой рукописи он ранее, в 1929 г., в Сыктывкаре издал книгу «Важõн и õни», что в переводе с коми языка означает «Прежде и теперь, сегодня»⁴. Более 60 лет его книга оставалась единственным эт-

² Музей антропологии и этнографии. Переписка с научными учреждениями и отдельными учеными СССР в 1935 г. // С.-Петербург. филиал архив РАН. Ф. 142, оп. 1 (1935), № 34, л. 44.

³ *Рогачев М.Б.* Забытое имя... С. 250.

⁴ *Старцев Г.А.* Важõ и õни. Очерк по истории и этнографии Коми народа [Раньше и теперь. На коми языке]. Усть-Сысольск, 1929.

нографическим описанием народа коми, опубликованным на языке этого народа. Это был период творческого кризиса ученого, фактически в сыктывкарский период своей жизни Г.А. Старцев не опубликовал ни одной крупной научной работы. Сохранилось его письмо, в котором он пишет, что рассыпали набор его книг и уничтожили рукопись (о чем идет речь — непонятно). Далее идут страшные слова: *«Хочу уйти из этого мира в мир богов. Быть радостным мне трудно»*¹.

Некоторое время его основная деятельность в Сыктывкаре была связана с Областным краеведческим музеем, директором которого по совместительству он был назначен. В августе 1936 г. приказом Областного отдела народного образования он был освобожден от обязанностей директора музея. Этому предшествовало его исключение *«из рядов партии как двурушника, троцкиста и буржуазного националиста»*². Причиной исключения из партии стали ошибки *«в печатании работ в 1920–1930 гг. <...> в экспозиции художественного и историко-революционного отделов музея, нежелание изъять из библиотеки контрреволюционную литературу»*. Последняя фраза касалась книг и статей *Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова, П.А. Сорокина* и бывших советских лидеров — Троцкого, Бухарина, Каменева и т.д.

Г.А. Старцев — автор более 40 работ по истории, этнографии и лингвистике ненцев, хантов, манси и коми³. Он начал печататься в 1923 г., когда опубликовал методическое пособие для работы школы I ступени на коми языке. В 1927 г. к 10-летию Октябрьской революции совместно с Н.Н. Поппе Г.А. Старцев публикует книгу *«Финно-угорские народы»*,

ставшие основным пособием по традиционной культуре этих народов до конца 1950-х гг.⁴ Из других крупных его работ следует отметить книги *«Остяки»* и *«Самоеды»*⁵. Как ученый Г.А. Старцев не был аналитиком. Все его работы в большей степени носили, с одной стороны, описательный характер добросовестных сводок доступных ему литературных данных, а с другой стороны, в них достаточно много личных полевых материалов. Например, Б. Соколов, крупнейший советский фольклорист 1920–1930-х гг. высоко оценил статью Г.А. Старцева *«Свадебные причитания зырян»*: *«Пример исключительно научной ценности. Весь быт, психика, эстетика зырянского народа нашли яркое выражение в этих причитаниях. Благодаря стремящемуся к точному переводу перед нами оживают глубоко своеобразные приемы зырянской поэтики»*⁶. Как отмечал его научный руководитель проф. Н.Н. Поппе, в них *«не видно личных мнений автора»*, что Н.Н. Поппе объяснял *«прежде всего излишней скромностью автора там, где он мог бы быть категоричным и предлагать свои гипотезы»*.

Последняя серьезная публикация ученого — брошюра *«Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать)»*⁷. В ней Г.А. Старцев дает классификацию коми фольклора, а также представляет программу по сбору материала. С точки зрения современной науки несколько наивными представляются его попытки объяснить некоторые проблемы через призму яфетической теории и других «модных» в то время гипотез. Тем не менее вклад Г.А. Стар-

¹ Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-961, оп. 1, № 1, с. 11.

² Протоколы заседания Бюро ОК ВКП(б). Протокол № 163–164 от 20–21 августа 1936 г. // Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований. Ф. 1, оп. 1, д. № 291.)

³ Список опубликованных работ Г.А. Старцева см.: *Терюков А.И.* Г.А. Старцев в Ленинграде // Арт-Лад. Сыктывкар. № 2. С. 136–142.

⁴ *Поппе Н.Н., Старцев Г.А.* Финно-угорские народы. Очерки. Л., 1927.

⁵ *Старцев Г.А.* Остяки. Социально-этнографический очерк. Л., 1928; *Он же.* Самоеды «Ненча». Л., 1930. См. также рецензию на последнюю книгу: Зап. ОИКК. 1930. Вып. 5. С. 117–120.

⁶ *Старцев Г.А.* Свадебные причитания Зырян // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.

⁷ *Старцев Г.А.* Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать)...

цева в науку достаточно значителен, так как ему удалось зафиксировать значительный этнографический материал, большая часть которого позднее была утрачена во время его ареста, но некоторые данные сохранилось в архивах Сыктывкара и Санкт-Петербурга.

В сентябре 1936 г. Г.А. Старцев вернулся в Ленинград. В ноябре–декабре 1936 г. он работал по договору в Публичной библиотеке, затем — учителем в некоторых школах Ленинграда. В его последней анкете упоминаются 4 средняя школа и школа взрослых Куйбышевского района, кроме того, он преподавал в 30 школе Приморского района, откуда был уволен 3.02.1937 «за антипедагогический поступок, выразившийся в применении физической силы для удаления с урока недисциплинированного ученика 4 класса А. Степанова 15 лет»¹. С 27 марта по 29 июня 1937 г. он — библиотекарь I разряда в отделе национальных литератур Государственной Публичной библиотеки. В круг его обязанностей входила обработка литературы на восточно-финских языках и языках народов Севера, их систематизация, справочно-консультационная работа. На этой работе Г.А. Старцев проявил себя «как специалист, знающий свое дело и дисциплинированный производственник, работающий с инициативой»².

Г.А. Старцев состоял в рядах ВКП(б) с 1921 г. и был исключен из партии 20 августа 1936 г. Первый раз членом партии он стал еще в 1919 г., но, как он писал в своих анкетах, выбыл из-за разгрома Вашко-мезенского полка на Северной Двине и болезни тифом. Затем вновь вступил в партию в 1921 г. Его исключение из этой организации было связано с тем, что в 1930-е годы в общественных науках начали проявляться неблагоприятные тенденции: борьба с «национал-шовинизмом»; научная дискуссия все чаще подменялась навешиванием политических ярлыков. Коми

¹ Архивная справка Объединенного архива Комитета по образованию Мэрии Санкт-Петербурга, № 56/С от 17. 06. 97. (Хранится у автора.)

² Дело № 419. Г.А. Старцев. Отдел кадров РНБ (Хранится в архиве Российской национальной библиотеки.)

край не был исключением. Под огонь подобной критики в Сыктывкаре попал и Г.А. Старцев. Он вынужден был выступать в местной прессе с критикой собственных ошибок, давал в ней периодизацию «коми буржуазно-националистического движения», критиковал многих друзей и коллег³. Начало его борьбы с «ревизионистами» относится к концу 1920-х гг., когда в письме на имя уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Б.П. Позерна в 1928 г. он дал резко отрицательную оценку деятельности Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов с идеологической точки зрения и представил ее как антисоветскую⁴.

На мой взгляд, Г.А. Старцев первым произнес обвинения в «буржуазном национализме и субъективном идеализме» в адрес **Г. С. Лыткина, К. Ф. Жакова, А. А. Чеусова** и М. Н. Лебедева в отчете о своей поездке в Коми область в 1927 г.⁵ После исключения из партии он подал ряд апелляций, сначала — в Северный крайком, а затем — в Комитет партийного контроля ЦК ВКП(б), но безрезультатно.

18 августа 1937 г. в Ленинграде Г.А. Старцев был арестован по делу о «контрреволюционной организации блока правых, троцкистов и буржуазных националистов» во главе с первым секретарем Коми обкома ВКП(б) А. А. Семичевым. Ему было предъявлено ставшее уже традиционным обвинение в контрреволюционной деятельности и в том, что он писал и печатал «буржуазно-националистические статьи, будучи директором Коми областного музея, укрывал к/р литературу, исторический отдел музея целиком посвятил

³ См., например, его статью «Критиковать собственные ошибки», опубликованную в газете «За новый Север». 1935. 20 июня.

⁴ Письмо Г.А. Старцева «Из жизни и работы Финно-угорского общества» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2556, оп. 3, д. 54, л. 25–25 об.

⁵ Старцев Г.А. Отчет о результатах командировки в область Коми по установлению связи с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 2, № 261.

популяризации врагов народа — буржуазных националистов **Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова, П.А. Сорокина** и т.д. С 1929 г. агент германской и финской разведок»¹. 24 августа 1939 г. был осужден и приговорен к 10 годам заключения. Но себя виновным не признал, от показаний отказался и обратился в Верховный суд с апелляцией. Его дело вновь было рассмотрено 10.09.1940 г. Особым совещанием НКВД СССР, который определил ему 5 лет ссылки. Ссылку Г.А. Старцев отбывал в Тасевском р-не Красноярского края. Здесь он 24 октября 1942 г. был мобилизован в Красную армию². В это время истек срок его ссылки. Ученый погиб в 1943 г. в боях под Сталинградом. Г.А. Старцев был реабилитирован постановлением Верховного суда Коми АССР № 4/360-к от 1 июня 1956 г., восстановлен в партии в 1989 г.

Завершить очерк о Г.А. Старцеве, о его сложном и в какой-то мере трагическом жизненном пути мне хотелось бы его словами, написанными в 1929 г.: «В моей жизни слишком много “объективных случайностей” — туземная среда, примитивный уклад жизни, плохая постановка обучения в провинциальных средних учебных заведениях, исключительно бурная революционная эпоха в моем юношеском возрасте, ломка старой культуры и период создания калейдоскопично пестрых и новых форм социальной жизни общества и т.д. все это ломало меня физически и духовно и в то же время накладывало свой отпечаток и своеобразно, вместе с тем, меня оформляло. Но я был с жизнью, новой жизнью, сознательно или бессознательно нашел свое место в общественном разделении труда на данном этапе развития общества и сде-

лал все, что мог. Таким я выхожу в свет, в “люди”»³. Мне кажется, это высказывание прекрасно характеризует Г.А. Старцева.

Наличие значительного полевого и литературного материала по традиционной культуре народов коми требовало нового осмысления, но в то время не нашлось этнографа, который обобщил бы его на теоретическом и методическом уровнях того времени. Подобную попытку предпринял Г.А. Старцев, но его рукопись «Зыряне» осталась незавершенной из-за ареста⁴.

В общих чертах характеристику традиционной культуры народов коми в 1930-е гг. предприняли историки **Н.И. Ульянов** и **В.М. Подоров**. Творчество этих двух крупнейших исследователей истории и культуры народов коми вызывает неоднозначную оценку современных исследователей⁵.

В 1932 г. в Ленинграде вышли «Очерки истории народа Коми» **Николая Ивановича Ульянова**⁶. Н.И. Ульянов (1904–1985) родился в Петербурге в рабочей семье. Его родители были из крестьян дер. Ганежи Осминской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. По другим данным, он родился в дер. Ганежи и был привезен в Петербург ребенком⁷. Отец Н.И. Ульянова с 12 лет жил в Петербурге и крестьянского хозяйства не вел. В городе он работал слесарем-водопроводчиком и умер в 1918 г. после тяжелой болезни. Мать была прислугой у частных лиц, а после революции — уборщицей в школах и рабочих клубах. Семья жила трудно, и уже

³ Старцев Г.А. Дело о присвоении квалификации // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 302, оп. 4, № 32, с. 8–9.

⁴ Старцев Г.А. Зыряне // Национальный архив РК. Ф. 710, оп. 1, ед. хр. 4.

⁵ Жеребцов И.Л. Клинок марксистско-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 442.

⁶ Ульянов Н.И. Очерки истории народа Коми. М.; Л., 1932. На титульном листе название книги обозначено несколько иначе, чем на обложке, — «Очерки истории народа коми-зырян».

⁷ Базанов П.Н. Н.И. Ульянов — петербургский историк в политической эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2004. С. 104.

¹ Цит. по копии «Обвинительного заключения по делу № 4037 по обвинению Г.А. Старцева по ст. 58, п. 1; ст. 58, п. 10, ч. 1; ст. 58, п. 11 УК РСФСР», которая хранится в Национальном музее Республики Коми (КП–4530, л. 137–140).

² Полещиков В. Олёмьск куסי фронт вылын (Жизнь угасла на фронте. На коми языке) // Войвыв кодзув. 1995. № 6. С. 57–65; Справка Главного информационного центра МВД РФ № 34/3/3–1256 от 04.07.97. (Хранится у автора.)

в 1917–1918 гг., после болезни отца, т.е. в 13–14 лет, Н.И. Ульянов был вынужден подрабатывать, в частности подручным водопроводчика. Позднее, уже в университете, он вел частные уроки, а также руководил драмкружками в рабочих клубах¹.

После окончания в 1916 г. начальной городской школы Н.И. Ульянов продолжил учебу в Высшем начальном городском четырехклассном училище, которое после революции было преобразовано в Единую трудовую школу II ступени.

С 1922 по 1927 г. он учился на факультете общественных наук Петроградского–Ленинградского университета². Его дипломная работа «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI–XVII вв.» заинтересовала академика С.Ф. Платонова, который дал ей лестный отзыв в своем докладе, сделанном на Неделе русских историков в Берлине в 1927 г.³ Это первое упоминание о нем как историке-исследователе. По завершении учебы в университете был рекомендован для подготовки к дальнейшей научной работе. Далее была учеба в аспирантуре Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) в Москве. В 1929 г., после ликвидации РАНИОН, Н.И. Ульянов перевелся в Институт истории Коммунистической академии и завершил обучение в аспирантуре

в 1930 г. по специальности «История народов СССР». Среди его учителей были С.В. Бахрушин и А.Е. Пресняков, что позволяет сделать вывод о том, что Н.И. Ульянов получил блестящее образование. В 1928 г. он в течение восьми месяцев по совместительству работал временным сотрудником библиотеки Института В.И. Ленина и участвовал в описании фонда нелегальной печати РСДРП. Во время обучения в аспирантуре им были подготовлены 3 крупные работы: «Торговая книга конца XVI в.», «Общественно-политические взгляды Б.Н. Чичерина», «Колонизация и экономика Мурман в XVII веке», последняя позднее была опубликована⁴.

В это время определяются его научные интересы — история Русского Севера — и появляются первые публикации⁵. По-видимому, это способствовало тому, что по решению Культпропа ЦК ВКП(б) он после завершения аспирантуры был направлен профессором Северного краевого Комвуза им. В.М. Молотова в Архангельск. Здесь он активно работал, опубликовал две книги, посвященные Коми краю, а также отредактировал книгу по холмогорской резьбе по кости⁶.

В Губархиве Архангельска он находит т.н. «Дело о панфинской пропаганде в Карелии» (под панфинской пропагандой в 1900-е гг. понимали деятельность лютеранских пасторов по распространению среди православных карел лютеранства и финского языка), на основе которого им была подготовлена специальная работа, позднее в Ленинграде рекомен-

¹ Личное дело № 43. Ульянов Николай Иванович. Автобиография // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 4734, л. 10–13.

² *Муравьев П.А.* Жизнь — это творчество // Отклики: сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью-Хэвен, 1986; *Багдасарян В.Э.* Историография Русского зарубежья: Н.И. Ульянов. М., 1997; *Брачев В.С., Лавров А.С.* Н.И. Ульянов — историк России // Вестн. СПбГУ. 1993. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 127–132; *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов // Вече. СПб., 1999. Вып. 12. С. 170–182; *Терюков А.И.* Н.И. Ульянов и его «Очерки истории народа Коми» // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 173–184; *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк в политической эмиграции... С. 104–111.

³ *Платонов С.Ф.* Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 113.

⁴ *Ульянов Н.И.* Колонизация и экономика Мурман в XVII веке // Исторический сборник. 1934. Т. 1. С. 89–139.

⁵ Например: *Ульянов Н.И.* Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сб. материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 20–161. (Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 28.)

⁶ Кроме «Очерков...», следует назвать следующие работы — «Октябрьская революция и Гражданская война в Коми крае». Архангельск, 1932; *Зубахин Б.М.* Холмогорская резьба по кости. История и техника производства / под ред. Н. Ульянова. Архангельск, 1931.

дованная к печати в 1935 г., но не опубликованная из-за ареста¹. За книгу «Очерки истории народа Коми» Н.И. Ульянову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук (решение Президиума АН СССР от 15.06.1935).

В 1933 г. Н.И. Ульянов по состоянию здоровья вернулся в Ленинград. Здесь он 1 мая 1933 г. становится доцентом, а затем — профессором, и.о. заведующего кафедрой истории народов СССР «с обязательной защитой докторской диссертации в течение 2-х лет» Ленинградского историко-лингвистического института / Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Со 2 февраля 1934 г. он — ученый-специалист Историко-археографической комиссии, позднее преобразованной в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, в которой он проработал до своего ареста. Одновременно Н.И. Ульянов преподавал в Военно-политической академии им. Толмачева (до 1935 г.), откуда уволился по собственному желанию. После воссоздания исторического факультета ЛГУ Н.И. Ульянов был приглашен в качестве профессора². Лекции, спецкурсы, семинары Н.И. Ульянова производили на студентов самое благоприятное впечатление «своей манерой, любовью и знанием предмета, человеческим отношением»³. В период работы в Ленинграде в сфере его научных интересов оказывается проблема крестьянского движения в России⁴.

¹ В списке его научных трудов она обозначена как «Буржуазно-националистические движения и прафинская пропаганда в Карелии в 1905–1917 гг.» (Рукопись. 3 п.л. Принята к изданию) // Ульянов Н.И. Список трудов. Личное дело... Л. 7.

² Трудовой список Ульянова Николая Ивановича // С.-Петерб. филиал архива РАН. Ф. 133, оп. 3, ед. хр. 55; Ульянов Н. И. Автобиография... Л. 10–13.

³ Дейч Г.М. Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 50–51; Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 145.

⁴ См.: Ульянов Н.И. Разинщина. Харьков, 1931; Он же. Крестьянская война в Московском государстве в начале XVII в.: сб. документов, подготовленный Н.И. Ульяновым. Л., 1935. Кроме того, в издательстве Военно-политической академии вышли два его учеб-

16 июня 1936 г. он был «исключен из списков сотрудников ЛОИИ» со странной формулировкой: «по распоряжению дирекции», а 2 июля того же года арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и троцкистской деятельности (ст. 58–10, 11 УК РСФСР) и приговорен к 5 годам лагерей.

У Н.И. Ульянова с властями были напряженные отношения. Как писал он сам, «в революционном движении и Октябрьской революции не принимал участия из-за возраста (ему было 12–13 лет). Сознательной политической жизнью начал жить только в университете, где в 1925 г. вступил в комсомол». В 1931 г. в Архангельске он стал кандидатом в члены ВКП(б), причем рекомендацию ему давали старые ленинградские рабочие-партийцы, знавшие его отца. Сам он в оппозициях и антипартийных группировках не состоял. Но 27 ноября 1935 г. был исключен из числа членов ВКП(б) за ошибочную формулировку в статье «Советский исторический фронт» в студенческой газете ЛИФЛИ⁵.

В ЛИФЛИ большинство работавших там преподавателей были представителями т.н. «марксистского» направления в науке и являлись последователями М.Н. Покровского. После издания 16 мая 1934 г. Постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О восстановлении преподавания гражданской истории в школе» начинается компания по официальному разоблачению его учения⁶. В связи с этим Н.И. Ульянов написал, что «до знаменитого постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе наша историческая наука быстро шла к своему вырождению. Благодаря левац-

ных пособия: Феодальная Русь и усиление Москвы. Л., 1934; Московское феодальное государство XVI в. Л., 1934. Также были подготовлены к публикации следующие работы: Политические воззрения Б.Н. Чичерина» (3 п.л.); «Карелия в эпоху новгородского владычества» (1 п.л.); «Проблема второго издания крепостничества» (4 п.л.).

⁵ Ульянов Н.И. Советский исторический фронт // За пролетарские кадры. 1935. 7 нояб.

⁶ О этом см.: Артизов А.Н. Судьба историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопр. истории. 1994. № 7. С. 34–48.

ким элементам, засевшим в Наркомпросе, вокруг истории была создана атмосфера пренебрежительности и презрения, мотивированная неутилитарным характером этой науки. В такой атмосфере она могла только чахнуть, но не развиваться»¹. Именно это послужило основой для недоверия к нему.

Это решение Н.И. Ульянов опротестовал в Парткомиссию Ленинградского обкома ВКП(б). Тем не менее он «был допущен директивными органами к научной и преподавательской работе» (такая запись была сделана на личном листке по учету кадров)². Позднее он был приговорен к 5 годам лагерей. По словам П.Н. Базанова, он был арестован именно потому, что выступил в газете³.

По словам П. Муравьева, срок Н. И. Ульянов отбывал сначала на Соловках, а затем в Норильске⁴. После освобождения из-под стражи перед войной в 1941 г. был направлен в Саратов, так как ему было запрещено проживать в столицах. После начала войны он был отправлен на окопные работы под Вязьму, где попал в немецкий плен и знаменитые Будгощские лагеря. Затем — побег и скитания по немецким тылам под Ленинградом, воссоединение с семьей и разъезды по глухим деревням Ленинградской области. В 1943 г. вместе с семьей Н.И. Ульянов был угнан в Германию, на заводы концерна BMW в Кархсфельден под Мюнхеном. В 1945 г. он оказывается в американской зоне оккупации и стоит перед выбором: быть репатрированным в СССР или остаться на Западе. Он выбрал

последнее. После скитаний по Западной Европе в 1947 г. Ульяновы оседают в Касабланке (Марокко), где Николай Иванович работал электросварщиком (эту специальность он приобрел в Норильске).

Получив некоторую финансовую свободу, Н. И. Ульянов начинает выезжать в Париж, где знакомится со многими известными русскими эмигрантами, например с С. Мельгуновым, Б. Зайцевым, Н. Берберовой, И. Одоевцевой и т.д. В эти годы он возобновляет научные изыскания, появляются его новые публикации. Но существовала и обратная сторона медали. Набирала обороты «холодная война», которой были нужны новые бойцы и пропагандисты. В начале 1953 г. Американский комитет по борьбе с большевизмом пригласил его в качестве главного редактора радиостанции «Освобождение». Но Н.И. Ульянов к этому моменту успел заглянуть за кулисы политической борьбы и, уяснив ситуацию, нашел силы отказаться от этой должности. Он не мог поступиться своими основными убеждениями — не бороться против своей Родины, сменить антикоммунизм оголтелой русофобской пропагандой, направленной на расчленение России. Как упоминает П. Муравьев, «прямого участия в политической борьбе Н. И. не принимал, это не было его стихией. В Союзе борьбы за свободу России (созданном в 1947 г. С.П. Мельгуновым) он как бы представлял культурную оппозицию, противопоставляя политическим вылазкам серьезную культурную работу»⁵.

В 1953 г. Ульяновы переехали в Канаду, где исследователь читал лекции в Университете Монреаля, а в 1955 г. — в США, где он стал преподавателем Йельского университета (Нью-Хэвен, Коннектикут). Там ученый проработал до своей смерти в 1985 г. Несмотря на то что лучшие и наиболее плодотворные для научной работы годы (с 32 лет до 51 года) были безвозвратно потеряны, он успел поработать на факультете славянских языков и литературы. Сам Н.И. Ульянов в письме Б.И. Николаевскому от 20 августа 1951 г. так

¹ Ульянов Н.И. Советский исторический фронт...

² Эти сведения почерпнуты из автобиографии Н.И. Ульянова и других документов его личного дела // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 4, оп. 4, № 4734. Также см. Приказы по ЛОИИ за 27. 03. 34 — 5. 11. 36 // ПФА РАН. Ф. 133, оп. 1, № 1455.

³ Базанов П.Н. Зарубежные издания петербуржца-эмигранта Н.И. Ульянова // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения—2006. СПб., 2006. С. 40–46.

⁴ Муравьев П. Жизнь — это творчество // Отклики: сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Под ред. В. Сечкарева. Нью-Хэвен, 1986. С. 39–55. Данная статья является основным источником по описанию жизни Н.И. Ульянова в 1941–1985 гг.

⁵ Муравьев П. Жизнь — это творчество... С. 44.

охарактеризовал последние 15 лет своей жизни: «*Пребывая в тюрьмах и лагерях, то в таких глухих углах вроде Марокко, в которых невозможно найти самой элементарной книги по русской истории, я, безусловно, отстал в области своей специальности, но смею думать, что ни способности научного мышления, ни исследовательской техники, ни тем более вкуса к истории не утратил*»¹.

В университете в течение ряда лет он читал курсы «История русской культуры», «Театр и драматургия в России», «Русская церковная архитектура». В русскоязычной печати начали появляться его эссе и художественные произведения². Отклики на творчество Н.И. Ульянова со стороны видных деятелей русской зарубежной культур всегда были лестными. Его высоко ценили Б. Зайцев, М. Алданов, А. Ремизов, Г. Вернадский, Н. Лосский, С. Мельгунов и др. Хотя были случаи, когда Н.И. Ульянова не понимали и даже критиковали, например за публикацию «Замолчанный Маркс», в которой он привел серию антиславянских и антирусских высказываний К. Маркса³. То же касается и его фундаментального исследования «Происхождение украинского сепаратизма», который не был принят украиноязычной эмиграцией. Фактически Н.И. Ульяновым была выработана концепция развития сепаратизма в России, которая, по его мнению, была вызвана отсутствием реальной национальной политики у властей России⁴. Основными в России со времен Рюрика и Олега, в понимании Н.И. Ульянова, являются два фактора — многонациональность и большая территория⁵. По

мнению исследователя, западные концепции решения национального вопроса в России совершенно неприменимы. «*В силу исторических условий и особых методов освоения окраины огромные массы русского люда давно уже вышли за пределы старого Московского царства и разлились по необъятным просторам одной шестой земного шара. Это не горсточка бельгийцев в Конго и голландцев в Индонезии, это огромные массивы, зачастую превышающие численно тот народ, в землях которого они осели. В общей сложности это может быть добрая половина всего русского народа. И эта половина окажется вдруг “за границей”, на положении жестоко преследуемых людей. Это только мы, русские, в каждой своей политической платформе обеспечиваем национальным меньшинствам национально-культурную автономию, но ни одна еще сепаратистская группа не сделала подобного заявления в отношении русского народа*».

Далее он писал: «*Русские поставлены будут перед необходимостью обашкириваться, отатариваться, украинизироваться и т.д. Наш народ поэтому вынужден либо найти достойное для всех народов разрешение национального вопроса в рамках общего государства, либо, если это встречает саботаж и этому противопоставляется идея раздела России, грудью встать на защиту собственного существования*»⁶. Как мы видим, им были высказаны пророческие слова, которые актуальны для нашего времени.

Что послужило причиной занятия Н. И. Ульяновым историей народа коми: личный интерес или служебная необходимость — сейчас сложно определить. В результате его работы появилось первое действительно научное исследование, которое охватывало весь период развития этого народа. Его деятельность в этом направлении была поддержана руководством Северного краевого комвуза. В фондах Археографической комиссии Ленинградского отделения Института истории

¹ Цит. по: *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк... С. 109.

² *Муравьев П.* Жизнь — это творчество... Полный список публикаций Н.И. Ульянова, подготовленный Н.Н. Ульяновой, см.: Отклики... С. 65–70.

³ *Ульянов Н.И.* Замолчанный Маркс. (Статья русского историка) // Москва. 1990. № 10. С. 138–150; То же // Юность. 1995. № 4. С. 44–55.

⁴ Об этом подробнее см.: *Базанов П.Н.* Н.И. Ульянов — петербургский историк... С. 109.

⁵ *Ульянов Н.И.* История и утопия // Спуск флага. Нью-Хэвен, 1979. С. 68.

⁶ *Ульянов Н.И.* Большевизм и национальный вопрос // Возрождение. 1951. № 13. С. 166.

сохранилась переписка между этими учреждениями, связанная с подбором различных исторических материалов в архивохранилищах Ленинграда и копированием их для исследования Н.И. Ульянова. Там же имеются сведения о его поездке в Москву с 20 октября по 2 ноября 1931 г. для работы в Московском древлехранилище, а также об оплате работы по подготовке рукописи книги (1500 руб.). Из этих материалов следует, что одновременно в Архангельске под его редакцией готовилась публикация документов по истории народа коми, посвященная 10-летию со дня образования Автономной области Коми, которое отмечалось в 1931 г. Архангельск согласовывал с Археографической комиссией список документов, предполагаемых к публикации, чтобы не было дублирования в этой работе¹. К сожалению, этот сборник исторических документов не был издан по неизвестной причине. Сохранился список документов, которые исследователь хотел в него включить. Видимо, в результате этой работы появилась монография Н.И. Ульянова, сданная в издательство 15.09.1932 и подписанная в печать 19.10.1932.

Можно утверждать, что именно перу Н.И. Ульянова принадлежит первое полноценное историческое полотно истории народа коми начиная от глубокой древности до современности, изданное в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В этом смысле его непосредственным предшественником был академик *А.И. Шегрен*, в работе которого были обобщены материалы по этой проблематике до 1830 г. включительно. Краткие сведения об истории Коми края имеются в большой этнографической работе *К.А. Попова* «Зыряне и зырянский край»². Хотя в основном дореволюционных исследователей в большей степени интересовала история христианизации коми и присоединения Коми края к Московскому государству³. Ряд конкретных исследо-

ваний по истории народа Коми был опубликован в 1920-х гг. в изданиях Общества изучения Коми края в Усть-Сысольске⁴. Однако первое полноценное историческое полотно было составлено именно Н.И. Ульяновым, что делает ценным и значительным его личный вклад в историографию коми. Тем не менее, сам ученый достаточно критически оценивал свой труд, называя его «*попыткой ответить на ряд вопросов, возникших в связи с переживаемым периодом и приобретших значительную политическую остроту*». Но время, в котором жил и трудился автор, наложило на его работу свой отпечаток.

В начале своего исследования Н.И. Ульянов критикует русских исследователей, которые «*не знали истории зырян в собственном смысле этого слова*», ибо «*представителям аристократической науки сама мысль об истории зырян казалась нелепой и смешной*». Приводя высказывание проф. С.В. Ешевского о том, «*финское или чудское племя мало чем заявило свое право на имя народа исторического*», Н.И. Ульянов в противовес ему справедливо заявляет, что «*коми народ завоевал право на внимание к себе и к своему прошлому*». Он исходил из положения, что изучение истории вызвано не простым любопытством; история есть особый метод познания настоящего при помощи фактов прошлого. Причем основным методом познания настоящего он считал марксистский. Поэтому в его работе во многих местах марксистская историография и яфетическое языкознание противопоставляются т.н. «*шовинистической гельсингфорской школе финнологии*» как абсолютно правильные и научные.

и зырянский язык при епископах пермских. СПб., 1889; *Красов А.В.* Зыряне и просветитель их св. Стефан. СПб., 1896; *Шестаков П.* Св. Стефан, просветитель Пермский // Учен. зап. Казан. ун-та. Казань, 1868. Т. 4.

⁴ Например: *Мартюшев А.М.* Коми народ как объект московской завоевательной политики... С. 54–79; *Он же.* Коми народ в первый период... // Коми му. 1928. № 2. С. 34–41; № 3. С. 33–39; *Мосишг И.* Коми народ как участник...; *Александровский А.* Материалы по истории Коми Края (1768–1802) // Коми му. 1927. № 4–5.

¹ Дело по изданию материалов по истории коми-зырян // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 133, оп. 1, № 1272.

² *Попов К.А.* Зыряне и зырянский край. М., 1876.

³ Например: *Лыткин Г.С.* Пятисотлетие зырянского края // ЖМНП. 1883. № 12; *Он же.* Зырянский край

Подобная критика финляндских ученых была вызвана широко распространенным в 1920-е гг. среди нарождающейся национальной научной интеллигенции финно-угорских народностей СССР мнением, согласно которому в Финляндии и финской науке видели пример рационального и правильного решения национального вопроса. И если книга Н. И. Ульянова лишь носит характер некоей научной дискуссии, то через некоторое время органы ГПУ в финно-угорских автономиях СССР сфабриковали несколько дел, в ходе которых фактически были ликвидированы многие выдающиеся представители науки и культуры народов коми, удмуртов, марийцев, карел, мордвы¹.

Именно политизированность книги Н.И. Ульянова вызывает критику современных историков. Автор в какой-то степени выполнял постановленную вышестоящими органами задачу. Дополнительный стимул для подобной трактовки истории народа коми в конце XIX — начале XX вв. ему давала развернувшаяся борьба между Архангельском и Усть-Сысольском (Сыктывкар) в вопросах районирования Европейского Севера. Она завершилась победой Архангельска и включением Коми автономной области в 1929 г. в состав Северного края с центром в Архангельске². Сопrotивление этому сыктывкарских властей и представителей местной интеллигенции прямо называется Н.И. Ульяновым «местным национализмом», и с точки зрения «буржуазного национализма» критикуется деятельность крупнейших коми просветителей конца XIX — начала XX вв. **Г.С. Лыткина**, **К.Ф. Жакова**, **П.А. Сорочкина** и др.³ Именно эти высказывания позволили авторам сборни-

ка «Научный поиск продолжается» назвать Н.И. Ульянова человеком, в работе которого получила обоснование и утвердилась на десятилетия вперед одномерная персонификация т.н. идеологов коми буржуазии (Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова) и их последователей в Коми в 1920-е гг.⁴

Не отрицая ответственность Н.И. Ульянова за использованные характеристики и формулировки, я хочу лишь сказать, что не он стоял у истоков подобных трактовок. Борьба с «национал-шовинизмом» началась в Сыктывкаре и Коми области еще в начале 1930 г., когда на пленуме Коми обкома ВКП(б) «национал-шовинизм» был провозглашен «главной политической опасностью для областной парторганизации». В свете этих директив в течение апреля–мая 1930 г. в серии своих статей в различных периодических изданиях Коми области заведующий Коми госиздатом и редактор областной крестьянской газеты «Коми деревня» И.И. Оботуров первым заклеил **Г.С. Лыткина** и **К.Ф. Жакова** как «отцов коми национал-шовинизма», а также других коми краеведов, ученых и писателей⁵. Подобные формулировки прозвучали из уст **Г.А. Старцева** еще в 1927 г.⁶

После ареста в 1936 г. имя Н.И. Ульянова исчезло из списка исследователей фактически до начала 1990-х гг. Например, авторы «Очерков по истории Коми АССР», изданных

⁴ Научный поиск продолжается... С. 23.

⁵ Они любили край родной... С. 89–90, 90–91, 152–153. И.И. Оботуров (1903–1938) прошел сложный жизненный путь, занимал различные партийные и государственные должности, но закончил свою жизнь как «враг народа». О нем см.: *Полещиков В.М.* Один из «врагов народа» // Родники Пармы–93. Сыктывкар, 1993. С. 146–150; *Он же.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 190–196.

⁶ *Старцев Г.А.* Отчет о результатах командировки в 1927 г. в Коми область по установлению связей с местными организациями для производства исследовательских работ по этнологии с приложением первого пятилетнего плана НИИР в Коми области на 1928/29–1932/33 гг. // С-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 2, ед. хр. 261. В несколько измененном виде опубликована как статья: Культурное строительство и научно-исследовательская работа в Коми области. (К 10-летию юбилею Области Коми.) // СЭ. 1932. № 2.

¹ *Куликов К.И.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997; *Терюков А.И.* Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

² *Кузивнова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути... С. 75–90.

³ *Ульянов Н.И.* Очерки истории... С. 115–118, 164–178.

в Сыктывкаре в 1955 г., пишут, что «*выпускемый в свет 1 том “Очерков по истории Коми АССР” представляет собой первую попытку изложения истории народа коми с древнейших времен до Февральской революции включительно*», т.е. полностью игнорируют своих предшественников (как Н. И. Ульянова, так и В. М. Подорова), хотя и используют многие материалы, которые впервые они опубликовали¹. По большому счету, до настоящего времени отсутствует научный анализ этих книг. Например, в изданной в Сыктывкаре «Истории Республики Коми» вообще нет историографического раздела, где был бы представлен научный анализ идей предшественников.

Фактически первые четыре главы книги Н.И. Ульянова посвящены этнической истории народа коми. Здесь представлен разбор сведений о Биармии, рассматриваются проблема происхождения народа, общественный и семейный быт в прошлом и настоящем, история христианизации и сведения о языческой религии и т.д. Как правильно замечает М.В. Кленов, автор впервые предлагает цельную концепцию древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, т.е. Коми края, которая позднее без упоминания авторства начинает переходить из одной работы в другую². По мнению Н.И. Ульянова, этот процесс можно разделить на пять основных периодов: 1) первыми в XI в. на Европейский Север проникают новгородцы; 2) с середины XII в. усиливаются противоречия между Новгородом и Суздальским княжеством в борьбе за пермские дани; 3) в XVI в. эта борьба завершается победой московских князей, которые продолжили колонизационную политику Суздаля; 4) решающую роль в окончательном подчинении Перми сыграла христианизация; 5) оконча-

тельное юридическое оформление перехода власти к Москве происходит в 1471 г.³

Немного позднее в Сыктывкаре были изданы «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)» **Василия Максимовича** Подорова⁴. С современной точки зрения сочинение В.М. Подорова можно охарактеризовать как очень идеологизированное. Во введении автор заявляет, «*что его книга представляет собой рассмотрение истории Коми с точки зрения марксистско-ленинской идеологии*»⁵. Именно с этой точки зрения он дает обзор работ по истории Коми края. Этнографические материалы используются им для характеристики народа коми. В частности, исходя из теории пережитков, он рассматривает эти данные как доказательство существования в прошлом у коми первобытно-коммунистического общества — обязательный начальный этап развития человеческого общества с точки зрения марксизма. Если отвлечься от идеологической направленности, то можно сказать, что эта работа богата этнографическими материалами, которые извлекаются В.М. Подоровым из различных публикаций. Но он не просто приводит эти сведения, а пытается дать им оценку. Например, он считает позицию **А.С. Сидорова**, представленную им в книге «Знахарство, колдовство и порча у коми», антимарксистской⁶. Речь идет о времени появления религии и соотношении этого процесса с определенной стадией развития человеческого общества. Не вдаваясь в подробности сути критики А.С. Сидорова, сегодня мы можем говорить о том, что данное положение имеет исключительно историографический аспект. В книге имеется большое количество конкретного материала, характеризующего хозяйство и социальную структуру коми этноса на протяжении достаточно длительного времени исторического развития. Поэтому это исследование сегодня мож-

¹ Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1; 1962. Т. 2.

² Кленов М.В. Русская колонизация Европейского Северо-Востока по материалам археологических исследований // Музей и краеведение. Сыктывкар, 1997. С. 27. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 1.)

³ Ульянов Н.И. Очерки истории... С. 60.

⁴ Подоров В.М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. 1–2.

⁵ Там же. Т. 1. С. 16.

⁶ Там же. С. 53.

но рекомендовать как один из фундаментальных источников. Однако имеющийся у него этнографический материал не позволяет автору проследить смену формаций, которая должна была обязательно происходить у каждого народа. Поэтому В.М. Подоров часто вынужден прикрывать лакуны материалами по другим финно-угорским народам, исходя из стадильности существования тех или иных явлений.

Если рассматривать работу с методологической точки зрения, то В.М. Подоров был типичным представителем господствовавшей в то время марксистской формационной теории, согласно которой все народы проходят один эволюционный путь от первобытно-общинного строя до социализма. Поэтому он рассматривает историю коми народа сквозь призму смены этих формаций.

Характеристики многих деятелей культуры коми, составленные В.М. Подоровым, выглядят как политические портреты. Он уделяет много места анализу творчества **К.Ф. Жакова**, который характеризуется им как главный идеолог коми буржуазии¹. Поводом для критики послужила *«его широкая известность в Коми, особенно среди интеллигенции националистического толка, которая рассматривает его как национального героя, который в условиях царизма исключительно своими собственными силами достиг вершин научной мысли»*. По мнению В.М. Подорова, именно в работах К.Ф. Жакова заложены идеи отделения Коми области от СССР и присоединения ее к Финляндии. **Г.С. Лыткин** определяется им как идеолог русского великодержавного национализма². В.М. Подоров считал его главным проводником политики царского правительства. Именно с этой точки зрения рассматривается вся научная и особенно переводческая деятельность Г.С. Лыткина. Аналогичные характеристики получают и другие деятели коми культурно-просветительного движения, такие как Д.Я. Попов, А.А. Чеусов.

¹ Подоров В.М. Очерки по истории коми... Т. 2. С. 54–68.

² Там же. Т. 2. С. 69–76.

В.М. Подоров не принимал участия в дискуссиях о Коми автономии, связывая их с буржуазно-националистическим движением. Все критические разделы его исследования, как и книги **Н.И. Ульянова**, можно отнести к дискуссиям по вопросу создания Северной области с центром в Архангельске, организованной в рамках проведения административной реформы в СССР. Местное руководство Коми автономной области не только выступало против этого, но и предлагало свой вариант — присоединение к Коми области Коми-пермьского округа и части Архангельской области, населенной ненцами и коми. Именно эти взгляды местной администрации руководством страны были признаны националистическими, а книги Н.И. Ульянова и В.М. Подорова подводили научную базу, обосновывали борьбу с этими идеями.

Позднее, несмотря на политический характер, книги В.М. Подорова были забыты, сам он подвергся резкой критике. В.Н. Давыдов, отмечая, что он предпринял первую попытку осветить вопросы социально-экономических отношений и классовой борьбы в Коми крае, пишет, что его книга имеет ряд серьезных недостатков, ей присущ социологизм, схематизм³. Так, автор пытался преувеличить роль местного пролетариата в революционных событиях 1905–1907 гг., хотя в Коми крае его численность была минимальной, соответственно и влияние незначительно. На В.М. Подорова отсутствуют ссылки в коллективной монографии «Очерки по истории Коми АССР», изданной в 1950-е гг. Но, как пишут Д.А. Несанелис и И.Л. Жеребцов, его книга оказала определенное влияние на Ю.В. Гагарина, занимавшегося изучением истории религии народа коми, хотя сам он не упоминает его имени. В первую очередь, это касается оценки места и роли Русской православной церкви в процессе присоединения Коми края к Московскому государству и т.д.⁴

³ Давыдов В.Н. Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократической революции (1905–1907) // ИФС. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 27–28.

⁴ Несанелис Д.А., Жеребцов И.Л. Ю.В. Гагарин — исследователь истории религии народа коми // Христиан-

К сожалению, биография В.М. Подорова мало изучена. Он родился в Усть-Сысольске в 1893 г. в крестьянской семье. Учился в Усть-Сысольске и Вологде. Во время Гражданской войны служил в Красной армии. После демобилизации в 1921 г. некоторое время работал в Сыктывкаре, заведовал Облполитпросветом, но вновь был мобилизован в армию. Затем учился во МГУ. В 1927 г. — аспирант НИИ народов Востока. Участвовал в деятельности Московского отделения Общества изучения Коми края. Его первая публикация, появившаяся в 1928 г., касалась вопроса о чужди и его отношения к народу коми¹. Далее последовала вторая публикация². Затем была работа в Ленинграде в одном из НИИ и преподавательская работа в Институте народов Севера. В 1931 г. он вернулся в Сыктывкар, где преподавал в местном пединституте. После отъезда из Сыктывкара В.М. Подоров в 1935–1937 гг. работал в Институте национальностей, в 1937 г. — в Государственном издательстве социально-экономической литературы в Москве. С 1938 г. — в Алма-Ате старшим научным сотрудником Казахстанского филиала АН СССР. В 1939 г. он снова в Москве, работает по договору в Институте истории АН СССР³. Сведений о его публикациях в этот период нам обнаружить не удалось⁴. В октябре 1941 г. — научный сотрудник Коми научно-исследовательского института языка, литературы, фольклора и истории. В мае 1942 г. был призван в армию. В 1944 г. В.М. Подоров вернулся из армии и был зачислен в отдел языка,

низация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 185–189.

¹ Подоров В.М. Что такое Чудь и его отношение к коми народу // Коми му. 1928. № 9–10. С. 70–81.

² Подоров В.М. Наказы крестьян коми по материалам Екатерининской законодательной комиссии 1767 года // Зап. Общ-ва изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. № 2. С. 35–47.

³ Научный поиск продолжается. Институту языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН 25 лет. Сыктывкар, 1995. С. 57–58.

⁴ Авторитетный указатель «История СССР. Указатель советской литературы. 1917–1952 гг.» (М., 1956–1958. Т. 1–2) не дает ссылок на его работы, кроме отмеченных выше.

письменности и истории Коми Базы АН СССР. На тот момент он имел ученое звание доцента. Тема его исследований была обозначена как «Народы Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» За один год он разработал эту тему и предоставил рукопись объемом 20 авторских листов. По мнению современных исследователей, его книга написана по идеологическим шаблонам тех времен и включала главы, посвященные описанию довоенного времени⁵. Здесь В.М. Подоров пишет о «борьбе с буржуазными националистами» и т.д. Быстрое по времени выполнение данной работы наводит на мысль, что он широко использовал свою прежнюю монографию. В августе 1945 г. В.М. Подоров уволился из Коми базы и уехал в Москву. О дальнейшей его жизни сведений нет.

К середине 1930-х гг. этнографические исследования народов коми постепенно прекращаются. Этому способствовало несколько причин. Во-первых, в это время в Сыктывкаре, как и во всей стране, краеведческое движение сводится на нет, что было вызвано советизацией краеведения. Это массовое начинание, направленное прежде всего на исследование местного края, постепенно подпадает под административный контроль властей, которые начинают централизованно определять тематику исследований, прежде всего производственную, не считаясь с местными условиями. Кроме того, следует учитывать идеологическое давление на это массовое движение, воспринимавшееся через призму идей марксизма. Эти процессы начинаются в конце 1920-х гг. Это время характеризуется активной критикой и проработкой руководителей движения в печати. Подобные события отразились и в Сыктывкаре⁶. В результате в мае 1931 г. Общество изучения Коми края было распущено.

Во-вторых, начались аресты, в ходе которых были задержаны специалисты, занимавшиеся историко-этнографическими

⁵ Научный поиск продолжается... С. 58.

⁶ Подробнее об этом см.: Они любили край родной... С. 85–104.

исследованиями, такие как **В.И. Лыткин**, **В.П. Налимов**, **А.М. Мартюшев**, **А.С. Сидоров**, **Г.А. Старцев**.

Первая «волна» арестов прошла в рамках так называемого дела «СОФИНа»¹. Хотя в основном это дело было связано с Удмуртией, привлекались и представители других регионов (Москвы, Марийской обл. и т.д.). Всего было арестовано около 60 человек. Основная формулировка обвинительного заключения — «программно-политические установки и деятельность организации ставили конечной целью отсоединение Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Мордовской, Карельской и Коми-зырянской) от СССР» и создание «Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии». По этому делу в январе 1933 г. в Москве были арестованы **В.И. Лыткин** и **В.П. Налимов**, им инкриминировались связи с учеными финно-угроведами, общественными и политическими деятелями Финляндии, Эстонии, Германии, а сами они объявлялись шпионами. В.П. Налимов был приговорен к ссылке в Западную Сибирь на три года, а В.И. Лыткин — к пяти годам лагерей. С этим делом также связано прекращение деятельности Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН).

Представляется, что в основе этого дела лежало подозрение советских властей, что в 1920-е гг. нарождающаяся национальная научная интеллигенция финно-угорских народностей СССР видела в Финляндии и финской науке пример рационального и правильного решения национального вопроса. В то же время финляндское правительство проводило

антисоветскую политику и внутри страны, и во внешних контактах. Были известны высказывания президента Финляндии П.Э. Свинхувуда о том, что «Россия — единственный постоянный враг Финляндии, а любой враг России должен быть всегда другом Финляндии» и т.п.² При этом Финляндия провозглашалась форпостом в борьбе против угрозы коммунизма, а ее восточная граница — «восточным пределом Европы»³. Такая позиция была характерна не только для правительства, но и для определенных кругов финляндской общественности. Усиленно пропагандировалось враждебное отношение ко всему, что связано не только с царской, но и с советской Россией, а иногда и с русским народом. Антирусские настроения, ненависть к русским — *ryssaviha* — приобретали, даже по оценкам некоторых финских исследователей, ярко выраженный шовинистический характер⁴.

Возрождается высказанное еще в предреволюционное время К.-Э. Аспелундом выражение «Великая Финляндия» и подразумевавшее объединение всех финно-угорских народов России во главе с Финляндией. В те времена «Великая Финляндия» в представлении различных общественных и политических деятелей имела различные границы: от объединения Финляндии и Карелии до страны, простирающейся до Урала, а у самого К.-Э. Аспелунда — вплоть до Америки (Аляски)⁵. В течение двадцати с небольшим

² Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть // Вопр. истории. 1990. № 5. С. 31.

³ Jutikkala E. Geschichte Finlands. Stuttgart, 1964. P. 374.

⁴ Nygra T. Venalaisvaistaisuus ja Suur-Suomi ajatus suomalaisen aarioikeiston ideologissa // Suomen Historiallien Seura. Historiallien arkisto. 1985. Т. 86. P. 486; Шлыгина Н.В. История финской этнологии. М., 1995. С. 74–75.

⁵ История возникновения идеи «Великой Финляндии» достаточно критично и подробно рассмотрена в работах некоторых финских исследователей, например: Sihvo H. Karjalan loytajt // Karjalan Seuran Julkaisut. Helsinki, 1969; Alapuro R. Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilaslilike ja kansa 1920-ja — 1930-luvulla. Porvoo, 1973; Из российских исследователей этого вопроса ка-

¹ Куликов К.И. Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990; Он же. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997; Роров А. Дело о так называемых финских шпионах в СССР в 1930-е годы // Studia Slavica Finlandensia. 1992. Т. 9. P. 103–112; Кузнецов Н.С. Из мрака. Ижевск, 1994; Терюков А.И. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х годов. // Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997. С. 223–231.

лет после заключения Юрьевского мирного договора 1921 г. именно идеи «Великой Финляндии» были заложены в основу деятельности определенных кругов финского общества, в частности активистов академического Карельского общества и Ингерманландского союза (деятельность этих общественных организаций была запрещена после Второй мировой войны), которые культивировали образ «плачущей Ингрии, дочери Финляндии», велась речь о том, что «еще взойдет солнце над той Ингрией, где не будет русских»¹.

Главная «вина» финской науки, в первую очередь этнографии и лингвистики, с точки зрения ее критиков в СССР, — в том, что она достаточно давно и результативно разрабатывала идею финно-угорского родства. Основным направлением в финской этнографии начала XX в. было комплексное изучение всех аспектов финно-угроведения. Как пишет Н.В. Шлыгина, эта специфика финской этнографии была обусловлена общим ходом развития общественной мысли в Финляндии конца XIX — начала XX в. Фенноманское национальное движение этого времени было неразрывно связано с распространением идей о необходимости изучения родного народа, его истории, происхождения, поиском прародины и ходом формирования национальной культуры и определения места финнов в кругу родственных им по языку народов². Изучение финно-угорских народов велось в первую очередь с позиции их культурного единства, на-

салась Н.В. Шлыгина. См.: История финской... С. 69–70.

¹ Шлыгина Н.В. Финляндская литература о переселении финнов-ингерманландцев на территорию Финляндии в годы Второй мировой войны // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 138–142; Nevalainen P. Inkerilainen Siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990. P. 22–24; Мусаев В.И. Советско-финляндские отношения в 1920–1930-х гг. и судьба ингерманландской автономии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 211–221; Он же. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. Кишинев; СПб., 2001.

² Шлыгина Н.В. История финской... С. 61–62; Härmäläinen A. Suomalais-igriläisten kansatieteen nykyisestään Vasemasta // Valvoja-Aika. 1939. P. 4 и далее.

личия у них древнего единого культурного слоя, сохранившегося и в современных традиционных культурах. Именно на этих позициях стояли У.Т. Сирелиус, А. Хямялайнен, И. Маннинен, Э. Сетеля, Ю. Вихман, имена которых постоянно упоминаются как в книге Н.И. Ульянова, так и материалах по следственному делу «СОФИН». Наиболее полно эти научные идеи были обобщены в трехтомном исследовании «Финское племя», изданном под редакцией У.Т. Сирелиуса, авторами которого были все финляндские ученые-этнографы³.

Необходимо отметить, что идеи финно-угорского родства получили некоторую негативную характеристику в политических настроениях, а иногда и в политической практике националистически настроенных экспансионистских группировок в Финляндии в 1920–1930 гг. Выражение «Великая Финляндия», порожденное финскими учеными и подразумевавшее объединение всех финно-угорских народов России, получило новое звучание. В то время как ученые Финляндии были увлечены действительно благородной идеей изучения и сохранения богатейшего наследия культуры народов финно-угорской языковой семьи, в сфере реальной политики выраженные ими идеи о единстве культуры выступали как опасное оружие. Здесь можно привести пример политики финнизации карел, которая проводилась в районах их проживания в Восточной Карелии⁴. Свою роль в этом сыграло и «подыгрывание» финских властей профашистскому лапусскому движению.

Откликом на дело «СОФИН» в Коми области было дело «О контрреволюционной организации национал-шовинистической интеллигенции в Коми области», инициированное ОГПУ по Северному краю в 1933 г.⁵ Этот процесс прошел под знаком борьбы с противниками нового районирования на Севере

³ Suomen suku. Helsinki, 1923–1928.

⁴ Luntinen P. Karjalaiset suomalaisuuden ja venäläisyyden rajalla — Venäläiset Suomessa 1909–1917 // Suomen Historiallinen Seura. Historiallinen arkisto. 1984. T. 83.

⁵ Морозов Н. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 43.

СССР (об этом см. раздел о *А.М. Мартюшеве*)¹. В числе репрессированных оказались А.М. Мартюшев, Д.А. Батиев, С.А. Попов и др.

Следующая волна репрессий прошла в конце 1930-х гг. и известна как «Дело о буржуазно-националистической организации в Коми АССР». Она коснулась широкого круга партийных, советских работников, а также деятелей науки и культуры Коми АССР (всего около 50 человек), в числе которых были *В.П. Налимов, А.С. Сидоров, Г.А. Старцев*². Чаще всего им предъявлялось стандартное обвинение — «участие в контрреволюционной буржуазно-националистической организации Коми области, на протяжении ряда лет проведение буржуазно-националистической деятельности, направленной против политики партии и Советского правительства», — которое предусматривало привлечение их к уголовной ответственности по ст. 58 п. 10. ч. 1 и по статье 58 п. 2 УК РСФСР и наказание вплоть до расстрела.

Одновременно ученым предъявлялись обвинения в участии в эсеровской и кадетской оппозициях. Это в какой-то степени соответствует действительности. Многие из осужденных в то время или примыкали, или были членами партии кадетов или социал-революционеров. Знакомство с деятельностью этих партий обусловлено наличием значительных групп политических ссыльных, отправленных в Коми край после подавления революции

¹ Кузьванова О.Ю. Чистка аппарата в Коми автономной области // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1. С. 40–41; Дмитриков М.П., Жеребцов И.Л. Дмитрий Батиев // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): Тез. докл. Сыктывкар, 1993. С. 18–20; Они же. Трагедия Дмитрия Батиева // Родники Пармы. Сыктывкар, 1993. С. 78–90.

² Жданов Л.А. «Гнездо» троцкизма и национализма // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956): Тез. докл. Сыктывкар, 1993. С. 23–26; Жеребцов И.Л. Репрессированные коми лингвисты // Там же. С. 26–29; Холопова Д.Г. Дела из секретного архива (о неизвестных страницах жизни С.А. Куратова и А.С. Сидорова) // Музей и краеведение. Сыктывкар, 1997. С. 88–93. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 1.)

1905–1907 гг.³ Так, с кадетами в Усть-Сысольске в 1905–1906 гг. активно сотрудничали *В.Ф. Попов* и *А.М. Мартюшев*⁴. За это В.Ф. Попов был уволен с должности земского статистика, а А.М. Мартюшев отсидел 3 месяца в усть-сысольской тюрьме. Позднее они вошли в проэсеровскую Партию обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда⁵. Известно, что идеологические установки партии социал-революционеров пользовались большой популярностью в Коми крае благодаря присутствию здесь многих представителей эсеров и деятельности *П.А. Сорокина*. В.Ф. Попов был в числе тех, кто осудил «захват власти большевиками в Петрограде»⁶. А.М. Мартюшев позднее, в июле 1918 г., при большевизации Советов, был отстранен от должности председателя Усть-Сысольского уездного исполкома за связь с этой партией, хотя и избирался как беспартийный⁷.

А.С. Сидоров, ставший комиссаром народного образования Яренского уездного исполкома в июне 1918 г, представлял в ней партию эсеров. В конце 1918 г., когда началась большевизация Коми края, именно в связи с партийной принадлежностью он был уволен и исключен из состава педсовета Яренского высшего начального училища⁸.

³ Расин Б. Тюрьма без решеток: из истории царской ссылки. Сыктывкар, 1966; Он же. Подвергнуть ссылке. Архангельск, 1971; Раевская Т.П. Под гласным надзором полиции: ссыльные большевики в Коми крае. Сыктывкар, 1974; Мацук М.А. Политическая ссылка на Европейском Севере в XVII веке // Вестн. культуры Коми АССР. 1990. № 1; Чупров В.И. Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900–1917 гг.). Сыктывкар, 1974. (Серия препринтов «Научные доклады Коми филиала АН СССР». Вып. 12).

⁴ Таскаев М.В. Небольшевистское подполье в Коми крае (1905–1914) // Музей и краеведение. Сыктывкар, 2000. С. 138–139. (Тр. Национального музея Республики Коми. Вып. 2.)

⁵ Таскаев М.В. Небольшевистские партии и белая армия в Коми крае. Сыктывкар, 2000. С. 6–11.

⁶ Таскаев М.В. «В борьбе обретишь ты право свое!» (эсеры в Коми крае) // Родники Пармы–93. Сыктывкар, 1993. С. 134, 136.

⁷ Таскаев М.В. Небольшевистские партии... С. 29.

⁸ Там же. С. 35, 43.

В период репрессий, борьбы с инакомыслием власти использовали информацию об участии в небольшевистских политических организациях как предлог для привлечения к уголовной ответственности ряда представителей коми интеллигенции.

Во второй половине 1930-х гг. ситуация в отечественной этнографии начала меняться к лучшему. Основной темой исследований стало изучение расцвета культуры народов СССР в условиях интенсивного строительства социализма и советского строя, начался подъем науки. В Институте этнографии АН СССР в Ленинграде с целью демонстрации этого процесса началась подготовка четырехтомного издания «Народы СССР», к созданию которого был привлечен широкий круг исследователей. Но к концу 1930-х гг. в республике фактически не осталось специалистов, которые могли бы разрабатывать эту тематику. Так, статья по народам коми для указанного коллективного труда была заказана *А.С. Сидорову*, который добросовестно выполнил это поручение¹.

Несмотря на то что теоретические исследования были сопряжены с риском, сбор коллекций по традиционной культуре народов коми продолжался. В Ленинграде к этому процессу подключился этнографический отдел Русского музея. По его заданию в 1926 г. совершил командировку в Усть-Куломский район Коми автономной области (в современном административном делении — Троицко-Печорский район Республики Коми) Л.Л. Капица. К этому времени он был уже состоявшимся ученым-этнографом. Некоторые исследователи полагают, что это была экспедиция Этнографического музея, а на самом деле он побывал в 1925 г. на Севере в составе Печорской лесозооэкономической экспедиции².

¹ Сидоров А.С. Коми // Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. К-1, оп. 1, № 397). Статья получила благожелательный отзыв Д.В. Бубриха, но издание не было завершено, так как многие авторы этого проекта были репрессированы, пока собирался материал для издания.

² Отчет Государственного Русского музея за 1925 г. Л., 1926. С. 43, 52; Отчет Государственного Русского музея за 1926–1927 гг. Л., 1929. С. 21.

Капица Леонид Леонидович (1892–1930-е гг.) родился в Петербурге в семье военного инженера, генерала царской армии, одного из видных русских фортификаторов, строителя фортов Кронштадта³. Мама — Ольга Иеронимовна Капица (Стебницкая) — родилась в Тифлисе в семье военного топографа, географа Иеронима Стебницкого. Позднее он возглавил военно-топографическое бюро Главного штаба и стал председателем Отделения математической географии РГО, членом-корреспондентом ИАН с 1878 г, генералом от инфантерии. За достижения в изучении топографии и геодезии Кавказа был удостоен Константиновской медали — высшей награды РГО. О.И. Капица была известной детской писательницей и стояла у истоков изучения детского фольклора в России. Его младший брат — Петр Леонидович Капица — один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей, лауреат Нобелевской премии. В 1911 г., после окончания Кронштадтской гимназии, Л.Л. Капица поступил на естественное отделение Петербургского университета, специализировался в области антропологии и этнографии. В период обучения в университете Л.Л. Капица начал сотрудничество с этнографическим отделом Русского музея. Будучи студентом, в 1913 г. Л.Л. Капица начал работать в Архангельской губернии, изучал культуру русских поморов и саамов, «вел антропологические наблюдения и измерения», в 1914 и 1916 гг. приобретал этнографические коллекции (около 200 экспонатов), производил фотосъемки. В 1915 г. вместе с братом служил санитаром на поезде на Польском фронте. В 1916 г. он был приглашен в штат этнографического отдела Русского музея на должность регистратора.

В 1921 г. Л.Л. Капица под руководством Д.А. Золотарева работал в экспедициях в Кемском уезде Архангельской губернии,

³ Сыктывкарская исследовательница В.А. Сова почему-то называет Капицу Львом Львовичем, что не соответствует действительности: Сова В.А. Вклад музейных работников Ленинграда в изучение традиционной культуры коми (1920–1930 гг.) // Изв. ОИКК. Сыктывкар, 2007. № 1 (10). С. 148.

в 1927 г. — в Ухтинском р-не. В 1924 г. в течение пяти месяцев проходил стажировку в музеях Англии, Швеции, Дании и Франции, где изучал постановку музейного дела.

Маршрут его Верхнепечорской экспедиции 1926 г. включал посещение ряда населенных пунктов в бассейне р. Печоры: с. Троицко-Печорск, Усть-Ильч, Усть-Щугор, Покча, Савинобор, д. Воя, Дутово, Сарьюдин, а также д. Кебырыб Усть-Вымского района. В ходе экспедиции им была собрана разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян: предметы охоты, рыболовства, скотоводства, промыслов, народной медицины, которая в настоящее время хранится в Российском этнографическом музее. Кроме того, там же находится его коллекция фотографий. По материалам этой экспедиции Л.Л. Капица опубликовал небольшую брошюру¹. По-видимому, в это время он стал куратором Русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава по изучению Коми области и ее населения². Кро-

ме того, по заданию Карело-Мурманской подкомиссии ИПИН занимался изучением карельского оленеводства³.

Л.Л. Капица является одним из зачинателей этнографического кино, или визуальной антропологии, в СССР.

В начале 1926 г. Л.Л. Капица выступил в Русском музее с докладом «Опыт применения кино в этнографии (поездка к самоедам на Печору)»⁴.

Подобные этнографические исследования возобновились уже после окончания Великой Отечественной войны. Этому во многом способствовало создание в 1944 г. Коми базы АН СССР, которая в 1949 г. была преобразована в Коми филиал АН СССР, где был создан сектор языка, письменности, литературы и истории⁵. В это время были восстановлены и этнографические темы, которыми стали в первую очередь заниматься Л.Н. Жеребцов и Л.П. Лашук. Фактически цельное монографическое описание народов коми было опубликовано лишь в 1958 г. В.Н. Белицер⁶.

¹ Капица Л.Л. Снаряжение зырянского охотника. Л., 1926.

² Протокол № 1 заседания Русско-финской секции ИПИН от 22. 03. 1927 г. // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 23.

³ Протокол № 4 заседания Карело-Мурманской подкомиссии ИПИН от 22. 02. 1926 г. // С.-Петербург. филиал архива РАН. Ф. 135, оп. 1, № 20, л. 5.

⁴ Отчет Государственного Русского музея за 1926–1927 гг. Л., 1929. С. 19.

⁵ В научном поиске... С. 29–35.

⁶ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.